

— Почему вдруг захотел послушать виолончель? — Цзинь Шуань не хотел думать о неприятном. Сейчас он просто хотел провести с Хань Чжоу каждый день и каждую секунду, не погружаясь постоянно в плохие эмоции, которые только портили настроение обоим. Поэтому к этому моменту он уже немного пришел в себя.

— Не знаю, — Хань Чжоу убрал телефон в карман и, схватив Цзинь Шуаня за запястье, начал легонько похлопывать его по руке. — Просто вдруг захотелось приобщиться к этой псевдоинтеллектуальной ерунде вместе с тобой.

Он повернулся к Цзинь Шуаню, и его лицо, освещенное солнцем, выражало полное удовлетворение.

— Если я вечером усну, не стыдись меня, позволь мне облокотиться на тебя.

— Нет уж, я обязательно разбуджу тебя, — с улыбкой ответил Цзинь Шуань.

Девушка, продававшая билеты, оказалась приятной в общении и даже порекомендовала им несколько хороших ресторанов и интересных мест.

Оба они обычно были слишком заняты, и такая возможность выбраться была редкой. Они пообедали, а затем отправились в местную Академию художеств, после чего бродили по городу весь день.

Вечерний концерт был великолепен. Ма Юю и его оркестр исполнили программу на высочайшем уровне. Хотя Ма Юю вырос за границей, он никогда не забывал о распространении китайской культуры. В программе концерта «Шелковый путь» преобладали классические произведения, сочетающие в себе элементы Востока и Запада.

Хань Чжоу, конечно, не разбирался в музыке. Некоторые произведения ему нравились, и он слушал их с удовольствием, а другие казались скучными.

Среди всех произведений он узнал только одно — «Концерт для виолончели ми минор» Элгара. Это было большое произведение, и его исполнение занимало много времени. Хань Чжоу случайно наткнулся на него, когда дома перебирал диски Цзинь Шуаня.

Тот диск был записан Жаклин дю Пре, гениальной виолончелисткой с трагической судьбой. Однако из-за того, что запись была сделана давно, а оборудование тогда было не самым лучшим, звучание было немного сухим.

Поэтому, хотя Хань Чжоу и почувствовал некоторую связь с музыкой тогда, она не произвела на него сильного впечатления. Но сегодня, услышав исполнение Ма Юю вживую, он был потрясен.

Стиль исполнения Ма Юю отличался от дю Пре, каждый из них был уникален, но эта музыка задела Хань Чжоу за живое. Неизвестно, было ли это из-за него самого или из-за Цзинь Шуаня.

Музыка начиналась с глубокой печали, проникающей в самое сердце, а затем, в течение тридцати минут, разворачивался процесс искажения и разрыва души. Воспоминания накатывали волнами, то ускоряясь, то замедляясь, и каждое утро приносило с собой новую волну отчаяния. Когда непрерывные кризисы окончательно уничтожили последние остатки надежды, эта несчастная жизнь медленно скользила по струнам виолончели и, падая на землю, издавала последний стон.

Музыкант играл, вкладывая в музыку всю свою жизнь, а слушатель слушал, отдавая всю свою душу. В мире нет ничего более пронзительного и ничего более болезненного.

Хань Чжоу крепко сжал руку Цзинь Шуаня. Ему казалось, что он только что пережил кошмар или, возможно, за эти тридцать минут он увидел все страдания, которые пришлось пережить Цзинь Шуаню.

Двойное воздействие живописи и музыки сделало Хань Чжоу маленьким, а его спутника — разбитым.

Вернувшись в отель, Хань Чжоу собирался принять душ и лечь спать, но Цзинь Шуань вытащил его из ванной, поднял на руки и бросил на кровать.

Действия Цзинь Шуаня были грубыми, а взгляд — жестким. Хань Чжоу испугался, когда его бросили на кровать, но затем его сердце забилося по-другому. Он видел, как Цзинь Шуань снял часы, расстегнул две верхние пуговицы рубашки и, наклонившись над ним, резко разорвал воротник. Следом за звуком разрыва ткани последовал поцелуй, больше похожий на укус.

Хотя Хань Чжоу уже две недели сдерживал свои желания, он думал, что Цзинь Шуань болен, поэтому в эту поездку он не планировал ничего, кроме как провести время вместе. Но оказалось, что этот день принес неожиданный сюрприз.

— Дорогой, ты выздоровел? Почему ты так дико себя ведешь? — Голос Хань Чжоу стал возбужденным.

Его Цзинь Шуань всегда был нежным и терпеливым в постели, каждый раз долго готовясь к главному действию. Но сегодня он вдруг изменил своей привычке, и Хань Чжоу было немного непривычно.

Цзинь Шуань не ответил. Одной рукой он расстегнул ремни на обоих, а затем использовал один из них, чтобы связать руки Хань Чжоу.

В голове Хань Чжоу все еще звучала музыка, но теперь ее заглушало тяжелое дыхание Цзинь Шуаня.

Такой Цзинь Шуань был слишком властным и соблазнительным. Хань Чжоу не хотел закрывать глаза, но в последний момент Цзинь Шуань выключил свет.

— Разве ты не любишь, когда свет включен? — Руки Хань Чжоу были связаны, и он чувствовал себя добычей, которую дикий зверь пожирает с яростью.

Он издавал невольные звуки, а его попытки сопротивляться лишь усиливали возбуждение Цзинь Шуаня.

Хань Чжоу закрыл глаза, и в его голосе прозвучала легкая усмешка:

— Почему ты сегодня не хочешь смотреть на меня?

— Замолчи! — Цзинь Шуань крепко прижал его лицо к подушке.

Этот акт длился долго. Цзинь Шуань, занимая абсолютно доминирующую позицию, снова и снова повторял имя Хань Чжоу, требуя ответа. Хань Чжоу почувствовал, что в его голосе сквозила сильная тревога и едва уловимая мольба.

После этого Хань Чжоу обнял его за шею, сидя верхом, и позволил Цзинь Шуаню нежно поглаживать его спину, вытирая пот, вызванный физической нагрузкой.

— Ты еще пойдешь к психологу? — Хань Чжоу положил подбородок на плечо Цзинь Шуаня, и его голос звучал устало.

Цзинь Шуань остановил руку и, опустив глаза, ответил:

— Пойду. В последнее время я чувствую слишком большое давление, нужно немного разгрузиться.

— Хорошо, — Хань Чжоу закрыл глаза и слегка потерся лицом о его шею.

Летняя ночь была тихой, а в комнате было прохладно из-за кондиционера, но тела обоих были горячими. Через некоторое время Цзинь Шуань заговорил:

— Предположим, что у меня есть болезнь, которая может убить меня. Я не знаю, когда она проявится, но лечение требует, чтобы мы расстались. Ты уйдешь от меня?

— Что за болезнь такая дурацкая? — Хань Чжоу открыл глаза и усмехнулся. — Это что, дорама?

— Ну, представь, что это дорама, — Цзинь Шуань нервничал.

Хань Чжоу глубоко вздохнул и задумался. После паузы он сказал:

— Нет.

Он нежно поцеловал Цзинь Шуаня в ухо и тихо произнес:

— Жизнь полна неожиданностей, и никто не знает, что будет завтра. Даже без болезни может случиться что-то другое.

— И я предпочел бы, чтобы ты был рядом со мной, чтобы ты провел каждый день в тепле и счастье, чем оставил бы тебя одного ждать неопределенного будущего. Это слишком жестоко, тем более ты уже так долго был один.

Хань Чжоу зевнул, чувствуя сонливость, и, прижавшись лицом к плечу Цзинь Шуаня, полузакрытыми глазами произнес:

— Каждый должен спокойно принимать смерть. Счастливая смерть лучше холодного бессмертия.

Цзинь Шуань не смог сдержать слезу и крепче обнял его.

— Я тоже так думаю.

Доктор Сун сказал, что второстепенная личность может умереть, но основная лишь уснет. Поэтому, если однажды ты уснешь, я просто подожду, пока ты проснешься.

Мы не знаем, что придет раньше — жизнь или неожиданность. Все, что мы можем, — это жить настоящим.

Цзинь Шуань и Хань Чжоу провели в городе Н два дня. Когда они ехали туда, у них был один чемодан на двоих, но на обратном пути вещей стало в два раза больше. Хань Чжоу, гуляя по

городу, не забывал закупать местные деликатесы, чтобы поделиться с коллегами из своей студии, и даже прихватил маленькие подарки для сотрудников Цзинь Шуаня.

— Если я когда-нибудь останусь без работы, думаю, смогу зарабатывать, продавая местные продукты, — Хань Чжоу, сидя на корточках в номере, упаковывал еду для отправки.

Цзинь Шуань, сидя на кровати и отправляя сообщения ассистенту, бросил на него взгляд:

— Думаю, это возможно.

— Эх! — Хань Чжоу надулся. — А я думал, ты скажешь: «Я о тебе позабочусь».

— Нет уж, — Цзинь Шуань продолжал печатать, не поднимая головы. — Полгода кормил тебя, а ты все не поправляешься. Окупаемость низкая, а затраты высокие. Невыгодно.

<http://bllate.org/book/15564/1415605>